

социального развития, исключая «перерывы постепенности», катаклизмы любого рода и предполагающих сохранение, накопление и использование положительного социокультурного опыта, всего, что послужит обустройству человечества в грядущем столетии.

ПРОБЛЕМА ТОТАЛИТАРИЗМА В КУЛЬТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В.П. Римский

Определение феномена тоталитаризма и его исследование необходимы для решения комплекса проблем, связанных с живой историей культуры, ее творческим созданием, многообразием и попытками типологизации культурно-цивилизационного материала, некоторого насилия над «потокотом культуры» и «потокотом истории». Поэтому представляется целесообразным обратиться к проблеме классификации культурно-цивилизационных типов как специфических формообразований и целостных систем, обладающих уникальными свойствами, которые и задают определенную диалектику прерывности-непрерывности в потоке культурно-исторических процессов. Разумеется, речь может идти прежде всего об *идеальных типах* в веберовском понимании, которые могут быть вычленены лишь на основе *системных аналогий, системных закономерностей* и в какой-то степени являются индифферентными по отношению к содержательным характеристикам эмпирических, конкретно-исторических систем, изучаемых специальными науками (историей, исторической психологией, этнографией, социологией культуры, исторической семиотикой и т.д.).

Для нас попытка построения классификации культурно-цивилизационных идеальных типов носит прикладной методологический характер и связана с исследованием классических и неклассических форм тоталитаризма в качестве специфических культурно-исторических целостнообразований. Определение тоталитаризма как социокультурной целостности и помещение этого уникального феномена в культурно-цивилизационный континуум поможет преодолеть те «историцистские» схемы, которые господствуют в современных подходах к исследованию тоталитарных систем. Если и признается какая-то культурно-цивилизационная или политико-идеологическая специфика тоталитаризма, то лишь в качестве *аномальности, вывиха, досадной помехи* на победоносном пути «прогрессивной европейской цивилизации» или «общечеловеческой цивилизации». При этом явно или неявно подразумевается, что «классическим тоталитаризмом» был «русско-советский». По отношению к итальянскому, испанскому фашизму или немецкому национал-социализму (а теперь даже и по отношению к китайскому тоталитаризму) сплошь и рядом делаются теоретико-методологические оговорки и идеологические реверансы.

Прежде всего хотелось бы остановиться на некоторых идеях М.К. Петрова, которые могут быть плодотворными при определенной модификации для создания культурно-цивилизационной типологии и выявления культурно-цивилизационных парадигм и моделей-формул. «Чтобы связать наличный весьма пестрый материал, – отмечал он, – который вскрыт самим ходом научно-технической революции как разнообразие типов культуры и, соответственно, разнообразие реакций на европейскую культуру, нам нужны универсальные основания для классификации и сравнения различных культур.

Одно основание здесь более или менее очевидно, это основание целостности... Иными словами, при всех условиях культура, к какому бы типу она не относилась, строится

как совокупность социальных институтов и связей, образующих форму преемственного существования множества или, по крайней мере, нескольких поколений людей. Эта функционально-стабилизирующая сторона культуры, ее, так сказать, инерционная составляющая, налаженный *ритуал* (выделено нами – В.Р.), как раз и есть «связь всего», «всеобщее» данной культуры, которое вовсе не обязательно должно реализоваться через обмен товарного типа (вещная связь), но может использовать и другие виды связи-общения... Ритуал, связь целостности как таковая, выглядит *отношением естественным и универсальным*, которое представлено в нашем сознании универсальной категорией» (Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов-на-Дону, 1992. – С.9-10).

В большинстве своих работ М.К. Петров развивал и использовал методологию исследования многообразия культур на основании выделения инерционной, функционально-стабилизирующей стороны культуры, *ритуала* как всеобщего целостнообразующего фактора, *социокода* культуры как носителя социальной памяти, информационно-культурного ключа, *института обновления*, связанного с функцией накопления и трансформации инноваций и новой информации в социокультурную систему. Ритуал, социокод и институт обновления воплощены в специфических *знаково-семиотических системах* (матрицы-тексты), которые и обеспечивают вовлечение человека в ритуал, «включают» специфические формы деятельности, *типы технологий*, «доминирующих в данной культуре и связанных в систему социально необходимых практических отношений к миру» (Там же. – С.11). На наш взгляд, система (ритуал, социокод, институт обновления, семиотические формы, технологии), выделяемая М.К. Петровым в качестве формообразующей различных типов культуры, более соответствует тому пониманию цивилизации, которое присутствует в современном научном контексте.

Цивилизацию и можно определить в качестве целостнообразования, всеобщим основанием которого выступают конкретно-исторические формы технологий, воплощенные через социокоды и институты обновления, социальную память и формы рациональности, семиотические формы и человека в специфические типы ритуала.

Интересно, что М.К. Петров различает понятия *технологии и способы производства*: так, в технологиях за скобки выносят многие содержательные, вещные и чисто материальные элементы (прежде всего производительные силы, орудия труда), которые в различных цивилизациях и культурах могут быть одинаковыми. За тысячелетия существования земледельческих культурно-цивилизационных систем орудия труда мало изменились, хотя многие из них прошли формационно-экономические стадии, определяемые различными способами производства (азиатский, рабовладельческий и феодальный во всем их историческом многообразии). В различных способах производства могут комбинироваться различные технологии, в которых оставлено наследие как прошедших цивилизаций, так и могут появляться в виде неустойчивых новообразований технологические инновации, предвещающие будущие способы производства (многие изобретения китайского цивилизационного гения были инкорпорированы в ткань европейской культуры через *имитацию*, а затем легли в основание прикладной, экспериментальной европейской науки как инновационного регулятора принципиально новых индустриальных технологий). Социальные технологии, закодированные в семиотических системах, становятся носителями специфических типов рациональности, которые в качестве *формально-идеальных* структур могут использоваться в различных типах культур, являясь цивилизационным механизмом преемственности и связи между культурно-цивилизационными мирами, способом включения человека в те или иные ритуалы как универсальные связи цивилизационной целостности. Таким образом, мы получаем возможность более точного различения в категориальном ряду «цивилизация – формация», «технологии – способы производства».

При таком подходе возможно и категориальное различие «цивилизации» и «культуры»: цивилизация как социокультурная целостность выступает *всеобщим базисом* культуры, *культурообразующим основанием* неповторимых, целостных культурных миров-космосов, обладающих многообразными пространственно-временными и этнонациональными характеристиками. И если цивилизация характеризуется абстрактно-всеобщими свойствами и определениями, культура – конкретно-индивидуальными, то культурно-цивилизационные типы представляют конкретно-всеобщую, исторически развивающуюся и органически расчлененную внутри себя, формообразованную целостность. Все трудности категориального различия и отождествления понятий «цивилизация» и «культура», таким образом, оказываются связаны с диалектикой всеобщего и единичного, абстрактного и конкретного – «вечной» философской проблемой. Конкретно-историческое бытие человека и его жизнедеятельность выступают тем «ключом», который и открывает все секреты (и скрывает все тайны!) всеобщего культурно-цивилизационного потока.

Поэтому типология культур, предложенная М.К. Петровым, имеет большую эвристическую ценность, но с определенными уточнениями и дополнениями. Прежде всего это касается того момента, что типологизация по видам технологий и ритуалов имеет отношение прежде всего к *цивилизационным* классификациям культурно-исторического многообразия. Но цивилизационная типологизация должна, на наш взгляд, задавать масштаб и последующим культурным типологическим параметрам. Итак, опираясь на разработки М.К. Петрова и используя отчасти его понятийно-терминологический аппарат, попытаемся продвинуться в логике культурно-цивилизационной типологии.

Во-первых, не вызывает возражений первый тип: *ситуативные технологии*, возникшие на заре человеческой истории и наиболее характерные для первобытных и архаических этносоциальных культурных систем. Коллективные ситуативные технологии органически связаны с жизнедеятельностью первобытного человека (охота, рыболовство, собирательство, деторождение) и опираются на *имитативный ритуал*, закрепленный в *лично-именном социокоде* и *мифологических* знаково-символических системах, и на *инициацию* (институт посвящения) как основной способ закрепления и трансляции производственных и социальных технологических инноваций. Мифологические тексты-матрицы как носители лично-именного кода способны весьма эффективно накапливать социальную информацию, обеспечивать как традиционную преемственность ситуативных технологий, так и их совершенствование в изменяющихся условиях (экологические колебания, личный опыт в новых ситуациях и т.п.). Мифологический имитативный ритуал, вписанный в космические природные циклы, способствовал длительному временному диапазону существования первобытной культуры, которая легла в основание всей последующей культурно-цивилизационной истории человечества, определила многие архетипы человеческой деятельности и мышления. При этом ситуативные технологии не исключали определенной динамики в жизнедеятельности первобытных коллективов хотя и задавали весьма статичный, *инерционно-стабильный темп* в существовании архаических этнокультурных систем, определяли их уникальную «живучесть». Поэтому ситуативные технологии и имитативные ритуалы в последующем включались во все «структуры повседневности» людей различных цивилизаций и культур, занимают огромное место и в жизни современного человека даже в техногенной цивилизации.

Следующий цивилизационный тип можно назвать вслед за М.К. Петровым «олимпийско-традиционным». Он базировался на *профессиональных технологиях*, связанных с жестким разделением труда и кастовой стратификацией первичных, «естественных цивилизаций», опирался на жреческий ритуал, *профессионально-именной* социокод, воплощенный в *мифопоэтических* знаково-символических системах *политеистических религий*, и на такой институт обновления как *традиция*, в рамках которой шло наследование

профессиональных технологий и их совершенствование по принципам родства – от отца к сыну. Это уже были не только земледельческие и ремесленные технологии, но и военные, административно-бюрократические, жреческие, писцовые, педагогические и т.д. По принципам родства строились фактически все социокультурные механизмы, прежде всего мифопоэтический социокод и профессионально-наследственная традиция, которые весьма эффективно накапливали *опытно-рецептурное* знание, что говорит о формировании и нового стиля мышления, и нового, *мифопоэтического типа рациональности*. С полной достоверностью к этому типу можно отнести все первичные городские цивилизации, связанные прежде всего с поливным земледелием и созданием крупных ирригационных систем, многие первичные цивилизации скотоводов. Здесь можно перечислить такие цивилизации как доэллинистический Египет, Шумер, Ассирия, Вавилон, Хеттское государство, Индия и Китай «доосевого времени» (К. Ясперс), древняя Иудея (довавилонская), Крито-Микенская культура, Монголия Чингисидов, империя инков и майя и многие другие.

М.К. Петров совершенно справедливо замечает, что сложные и циклические профессиональные технологии были весьма эффективными способами стабилизации и *устойчиво-динамического развития* первичных цивилизационных организмов, время существования которых определялось десятками тысяч лет (Египет). Профессионально-именные цивилизации обнаружили и определенную пластичность, создавая иногда определенные культурно-цивилизационные мутации и переходные системы. Поэтому для нас актуальным остается не только культурное наследие древних цивилизаций, но и сам способ профессионально-личных технологий, который до сих пор определяет формы жизнедеятельности современного человека, особенно на том уровне, который Ф. Бродель называл «материальной жизнью», «повседневностью».

А вот третий цивилизационный тип, который выделял М.К. Петров, назвав «европейским», вызывает очень много споров и недоразумений, на это уже указано выше. Отнесение античности к европейскому цивилизационному типу порождает больше вопросов, чем дает разрешений сложнейших культурно-исторических проблем. Да, античная цивилизация характеризуется высокой степенью нестабильности, что связано не только с ее открытым морским «культурным горизонтом» и морской колонизацией сопредельных прибрежных территорий «лишними талантами». Специфическая подвижность и маргинальность античности определяются и ее вторичным, искусственным формированием, и ее перекрестностью, и цивилизационной периферийностью по отношению к древнему миру, и многими другими факторами. Да, в античности мы впервые получаем такие классические цивилизационные открытия как политическая демократия и теоретическая форма знания (философия). Но разве философское, теоретическое знание не появляется почти одновременно в Китае и Индии? Можно до бесконечности приводить аргументы и контраргументы. Ясно одно: античный тип цивилизации вряд ли был присущ лишь одним древним эллинам или латинянам. Здесь следует все-таки принять то культурно-цивилизационное явление, которое К. Ясперс весьма образно назвал осевым временем и новым духовным миром.

Трудно не привести ясперовскую характеристику осевого времени и соответствующих культур: «В это время происходит много необычного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае, – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то,

что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга» (Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С.33). Что касается культурно-исторических характеристик и некоторых положений Ясперса, то они, разумеется, могут сколь угодно уточняться. Неоспоримо одно – эллины не обладают духовным первородством по отношению к другим народам мира, «греческое чудо» необходимо вписать в единую культурно-цивилизационную типологию.

Так вот, следуя той же логике, которую задал М.К. Петров, попробуем конкретизировать его же положения. Третьим типом социальных технологий с большой долей уверенности можно считать *спекулятивно-теоретические технологии*, которые вырастают из *государственно-политического ритуала, словесно-понятийного (нарративно-понятийного) социокода и философии как института социокультурного обновления*.

В современном науковедении утвердилось различие если не нескольких типов научного познания, то по крайней мере двух: созерцательно-теоретического, философского и собственно научно-теоретического, свойственного прежде всего новоевропейской культурной традиции. В подобное различие, кстати, внес свой вклад и М.К. Петров. В исторической психологии и культурологии имеется понимание двух линий в научном способе познания: естественнонаучной и гуманитарно-нарративной. С этих позиций, можно и выделить специфический код для третьего цивилизационного типа социальных технологий, назвав его нарративно-понятийным или *наррадигмальным*. Вот что пишет по этому поводу В.А. Шкуратов, на которого мы позволим себе опереться в собственных рассуждениях: «С помощью слова «наррадигма» я пытаюсь определить тип мышления, который скрывается между художественным выражением, окутанным образами, и сциентистской речью, пропадающей в формализмах. Между тем у наррадигмального мышления своя, весьма обширная зона: это – не искусство (производство образов) и не точная наука (производство информации). Я назвал эту сферу мышления в научных образах-представлениях *бельсайнтистикой* (прекрасная наука – В.Р.)... Бельсайнтистика бывает весьма искусной словесностью, но она служит иному, нежели художественная литература, так как эстетический эффект, впечатление здесь средство, а не цель... Наррадигма дает образец превращения грамматической структуры в мыслеобраз. Концептуальная мысль внедрена в этой сердцевине языка своей понятийностью, чуть-чуть недоформализованной» (Шкуратов В.А. Историческая психология. – М., 1997. – С.174-175).

Наррадигмальный социокод предполагает не просто существование письменности, но и высокий уровень грамотности если не всего населения, то по крайней мере правящей элиты и господствующего среднего класса. Спекулятивно-теоретические технологии, обновляемые и обосновываемые в качестве эстетических, идеологических и религиозных образцов в творчестве философов и мудрецов, направлены прежде всего на регулирование социума, который в рассматриваемых цивилизациях всегда является весьма подвижным, конфликтным, достаточно динамичным – причины могут быть самыми разными, и внешние (угроза завоеваний, географическое положение, стихии природы), и внутренние (демографическое перепроизводство, классовые конфликты, полиэтничность, маргинальные социальные группы и т.п.).

Спекулятивно-теоретические технологии действуют по принципу «слово-дело», «знаток-делатель» и распространяются не только на сферу государственно-политическую, но и на повседневный быт, ремесло, торговлю, войну, религию, искусство, регулируют способы материального и духовного производства. Основная семиотическая система, в которой происходит кодификация философских текстов, это книги – «Илиада» и «Одиссея», «Ши Цзин» и «Упанишады», Библия и Коран, которые содержат не только наррадигмальные образцы деятельности человека, но и объясняют мир с позиций авторитета высшего знания.

Мудрец, философ, богослов становится человеком-государством, носителем целостного «карликового ритуала», который М.К. Петров напрасно отдает пиратам. Философско-богословское знание на многие столетия определяет образ жизни и стиль мышления человека в различных культурах Востока и Запада. Да, это был прорыв человеческого духа перед лицом трагичности бытия человека в мире нестабильных цивилизаций осевого времени.

Наверное, настала пора пересмотреть взгляд на цивилизации Востока осевого времени как на стабильные. Этот взгляд – одна из мифологем европоцентристских культурфилософских теорий. Если внимательно изучить историю Китая или Индии, то за китайской стеной – внешней стабильности, цикличности, устойчивости мы увидим очень нестабильное историческое бытие восточных культурно-цивилизационных систем. Это и природные катаклизмы (разливы рек, наступление пустынь или джунглей), и социально-политические (набеги кочевников, восстания рабов и маргинальных этносов) и социально-экономические (голод, перенаселение), и духовные (смена религиозных систем). И именно философско-теоретическая мудрость восточных народов смогла во всех испытаниях удержать культурно-цивилизационные системы в *режиме динамичной стабильности*, выработав уникальное мировоззрение, созвучное современной синергетике. Смогла удержать хаос бытия в космосе культурных форм.

К данному типу цивилизаций правомерно будет отнести не только средневековые арабские и христианские культурно-цивилизационные системы, но и некоторые пограничные образования (например, Золотая Орда периода расцвета, впитавшая в себя китайскую мудрость, арабскую и христианскую ученость).

В «осевых» цивилизациях произошел всемирно-исторический синтез не только предшествующих социальных технологий и культурно-семиотических систем, но и начался *диалог* между самими новыми культурами и цивилизациями, открывшими человека. И хотя диалог очень долго носил имитативный характер (подражание, мимезис, заимствование – основные механизмы в этих социокультурных системах), а способы коммуникации затрудняли связь между культурно-цивилизационными регионами, тем не менее человечество уже вышло на арену всемирно-исторического творчества.

И только в Европе Нового времени мы приходим к возникновению четвертого типа социальных технологий, положивших начало техногенным, раннеиндустриальным культурно-цивилизационным системам. Возникают *научные, автоматические технологии*, обезличенные и нестабильные, опирающиеся на *договорный ритуал, универсально-понятийный социокод и науку как институт обновления*. Соответственно доминирующей знаково-семиотической системой становятся различного рода математически-формализованные тексты, способные бесконечно наращивать объем информации о внешнем мире и внешнем поведении человека (высший образец на данный момент – информационно-кибернетические машины, воспроизводящие специфическую виртуальную реальность). Здесь следует отметить один парадокс, который и приводит к различным морально-идеологическим-пессимистически-критическим и оптимистически-апологетическим оценкам капиталистической индустриальной цивилизации. Этот парадокс заключается в том, что индустриальная цивилизация вырастает из предпосылок, накопленных всем ходом развития традиционных цивилизаций и культур, но одновременно и ведет к нигилистическому отрицанию самого духа традиционализма. Индустриальная цивилизация, развивая духовно-познавательные потенции человека и выдвигая на передний край культуры ценности гуманизма (у истоков это антропоцентричная «ренессансная» культура), одновременно отчуждает человека от продуктов его деятельности, обнаруживает агрессивную тягу к подавлению индивидуальных мыслительных способностей.

Этот трагический парадокс человеческого бытия в недрах индустриально-техногенной цивилизации в XX столетии отмечали многие мыслители: от Бердяева и

Шпенглера до Маркузе и Фромма. «И дело не только в подвижности техно- и социоценоза, – подчеркивал М.К. Петров. – Происходит расщепление социального бытия на мертвую определенность короткоживущих автоматизмов и на творчество – переработку нового в короткоживущие автоматизмы. Общество раскладывается по функциональному признаку, и хотя процесс только начинается, он уже дает себя чувствовать: как в производстве, так и в области обслуживания и управления человек сталкивается с машиной. Вся совокупность автоматизмов оказывается не только ареной бесславных сражений человека с машиной, но и ареной, враждебной человеку. Превращение технологий и социальных структур в строгий автоматизм, который давит по обратной связи любые отклонения-шумы, делает не только избыточной, но и *опасной* способность человека мыслить, усваивать новое, менять заложенную в автоматизм программу. Система социально-производственных автоматизмов вынуждена теперь защищаться на два фронта: от недостатка квалификации («защита от дурака») и от нового, от избытка квалификации («защита от умника»). Оба явления выглядят одинаково опасным для автоматизма «шумом», и человек активно выталкивается из системы автоматизмов как самый закоренелый, изобретательный, неугомонный и неисправимый источник «шума» (Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов-на-Дону, 1992. – С.207).

Вот этот внутрицивилизационный конфликт, заложенный в технологическое основание европейской индустриальной цивилизации и европейский договорный ритуал, обрекавший человека на изолированно-индивидуальное существование перед лицом обезличенных, враждебных технологий и техники, постоянно обострялся (и обостряется) факторами экономическими, политическими, экологическими, этническими и, наконец, культурными. Собственно, индустриальная цивилизация и порождается этим внутрицивилизационным конфликтом и социокультурным расколом предшествующей цивилизации. Социокультурный раскол и конфликт постоянно воспроизводятся индустриальной цивилизацией, что является ее внутренним двигателем, главным и основным фактором ее нестабильности и динамичности.

Попытка разрешения социокультурного конфликта и снятия всех экзистенциальных парадоксов и антиномий человеческого бытия в условиях индустриальной цивилизации и приводит к глобальному тоталитарному проекту, который в XX столетии выступил с претензией на новый культурно-цивилизационный путь человечества. Искусственное соединение всех предшествующих социальных технологий при доминировании научно-автоматических, эклектический синтез по антисистемному принципу всех предшествующих культурно-цивилизационных оснований бытия человека привели к воплощению тоталитарного проекта в жизнь. Фантастические трансформации претерпевает весь цивилизационный базис. Формируются (сознательно и бессознательно) *тоталитарные идеологические технологии*, опирающиеся на *политико-идеологический ритуал*, *нарративно-утопический социокод* и *партию как институт обновления*. Хотя в обществе продолжают действовать все предшествующие социальные технологии, ритуалы и знаково-семиотические системы, они так или иначе трансформируются и подчиняются тоталитарным основаниям. Доминирующей знаково-символической системой становится *политическая мифология*. Возникает цивилизационный мутант, воплощающийся в разных конкретно-исторических и национальных условиях в ипостасные культурно-цивилизационные системы тоталитаризма, построенные на антисистемном отрицании или выворачивании в превращенные и извращенные формы всех предшествующих культурно-цивилизационных архетипов.

Таким образом, мы получаем по меньшей мере *пять глобальных цивилизационных типов*, связанных между собой сложными конкретно-историческими связями и отношениями. Предлагаемая типология строится исключительно на выделении системных характеристик социокультурных образований. Можно, разумеется, попытаться определить и

некоторые другие «переходные» и «мутантные» целостнообразования. Но и в этом случае мы получим весьма абстрактную картину культурно-цивилизационного многообразия человечества. Конкретно-историческое культурологическое исследование, которое по мере возможностей будет развернуто в последующем изложении, требует учета специфики взаимодействия той или иной культурно-цивилизационной системы с внешней природно-географической, социально-экономической, этнической и культурной средой, с внутренними историческими, национальными, духовными и антропологическими факторами и политико-экономическими базисными элементами, что позволит создать более многообразную и более живую картину «потока истории».

Особым моментом культурологического исследования является вычленение культурологических парадигм или, как определяет Г.В. Драч, генетического кода культурно-цивилизационных систем (Культурология: Учеб. пособие... – Ростов-на-Дону, 1995. – С.16). В какой-то степени мы эту работу проделали. Но важным представляется резюмирование культурологических парадигм в формуле-модели, выступающей в качестве эйдоса-идеи той или иной культурно-цивилизационной системы и трансформирующейся в процессе исторического развития в эйдос-образ, в культурный Космос-Универсум. Культура на уровне идеального бытия и возникает как архетипический эйдос-идея, разворачивающийся затем во всем богатстве конкретно-исторических формообразований.

Если связать выделение первичных эйдосов (формул-моделей) с предложенной выше типологизацией, то для первых двух типов можно выделить следующие архетипические эйдосы: архаические социокультурные (этнокультурные) образования – *мифодицея*; цивилизационные образования олимпийского типа – *космодицея*. Здесь термин «дицея», образованный от античного понятия «дике» (право, справедливость), означает «оправдание» – мифооправдание, космооправдание, что, на наш взгляд, в концентрированном виде словесно и обозначает основную модель той или иной культурно-цивилизационной системы.

А вот для вычленения эйдоса на основе третьего цивилизационного типа будет недостаточно одной формулы-модели. Поясним на примере. Всем цивилизациям третьего типа соответствуют спекулятивно-теоретические технологии и нарративно-теоретический социокод (наррадиigma), но некоторые из них будут различаться прежде всего по институту обновления: в Элладе таковым была философия, воспроизводившая в идеальных образцах структуры античного полиса; в Китае – институт мандарината, подчинивший себе китайские формы спекулятивно-теоретического знания, в том числе и философскую мудрость; в Риме – право, опиравшееся на весь комплекс теоретической мудрости, заимствованный (мимезис) у эллинов; в Индии наряду с философским знанием весьма эффективно развиваются различного рода психотехники, направленные на спасение индивида путем растворения в космосе – основным институтом обновления выступают психотехники; в средневековых цивилизациях (исламского и христианского миров) и философия, и социальные механизмы мобильности, и право, и индивидуальные психотехники всецело подчиняются религии как основному институту обновления традиции и социальных технологий. Поэтому базисная формула-модель, общая для всех этих культурно-цивилизационных систем, которая, исходя из общего государственно-политического ритуала, может быть определена как *полисодицея* (античность) трансформируется в ряд специфических, уникальных эйдосов: Китай – *социодицея*; Эллада – *софиодицея*, Рим – *цезаредицея*; Индия – *психодицея*, средневековые культуры – *теодицея*.

В эпоху Возрождения (переходная культурно-цивилизационная система), теодицея органически трансформируется в *антроподицею*. Последовавший в результате Реформации социокультурный раскол, приведший к формированию индустриальной цивилизации, позволяет нам говорить о двух равноправных эйдосах, характеризующих расколотость мира европейской цивилизации на две ипостаси и отражающих суть внутрицивилизационного

кризиса. – *натуродицеи и технодицеи*. Трансформация технодицеи, гипертрофия данного культурного начала и приводит в конечном счете к формированию тоталитарной модели – *идеодицеи*, подчиняющей идеологическим технологиям и партии как институту обновления все стороны и формы человеческого бытия.

Следующая конкретизация культурологических парадигм, выявленных в ходе типологизации исторического материала, и моделей-эйдосов предполагает рассмотрение их в контексте природного и исторического континуума. В классических культурфилософских теориях проблема взаимосвязи природы и культуры решалась, как правило, в русле их противоречия, различия и даже антагонизма (вспомним схему А. Тойнби «вызов – ответ»). Конец XX столетия заставил современных исследователей по-новому взглянуть на эту традиционную культурологическую проблему. «Культура связывает (а не только разъединяет) человека с природой, – пишет Г.В. Драч, – объединяет в единый космос природный ландшафт, жилище, способ добывания пищи и самого человека во всех его этнических проявлениях» (Там же. – С.107). Собственно, в этом ключе и создавалась оригинальная культурфилософская теория этногенеза Л.Н. Гумилева, в которой и сам этнос рассматривался в качестве органического элемента природной среды. Но природа выступает во взаимодействии с человеком прежде всего в качестве пространственно-временного континуума, в который включены культурно-цивилизационные системы. При этом пространство и время природной среды выступают не только как внешние системообразующие факторы по отношению к социокультурным целостностям. «Однако, – отмечал А.Н. Аверьянов, – каждая конкретная система имеет свое пространство и время, которые мы можем определить как внутренние, присущие только ей и отличные от пространства и времени другой системы. Пространственно-временная характеристика системы – одна из важнейших сторон ее качественной определенности» (Аверьянов А.А. Системное познание мира: методологические проблемы. – М., 1985. – С.56). Относительно внутрисистемных пространства и времени культурно-цивилизационных систем речь должна идти не только о природном ландшафте и природных ритмах, вовлеченных в орбиту культуротворческой деятельности. Речь необходимо вести о специфическом социокультурном пространственно-временном континууме, *хронотопе*, всегда воплощенном в культурных артефактах, продуктах человеческой деятельности и в знаково-символических, семиотических системах, которые задают способы идеальной рефлексии человека, способы восприятия и воспроизводства в духовных формах культурного хронотопа: обыденное сознание, философский нарратив, научное познание, идеология, религия, искусство по-разному участвуют в осознании и создании культурных форм пространства и времени.

Модели-эйдосы как идеальные культурные формы, лежащие в основании культурно-цивилизационного ритуала, социокода, института обновления и социальных технологий, оживают лишь в творческой деятельности конкретно-исторического человека как представителя своего народа, своей нации, обитающей в неповторимом природном и социокультурном пространственно-временном континууме. Социальные технологии, институты и знаково-символические системы реализуются в особых социокультурных пространственно-временных структурах и в конкретно-исторических условиях функционирования культурно-цивилизационных систем отливаются в устойчивые *инварианты (архетипы и парадигмы)*, определяющие внутреннюю организацию, степень устойчивости, динамичности и направление развития целостнообразований, каковыми и выступают уникальные *культурные миры*. Культурные миры, оформленные в телесности знаково-символических систем, образуют Космосы-Универсумы, которые и вливаются в стремительный поток культурно-цивилизационного многообразия и эволюционной преемственности. Созвучно нашим рассуждениям очень точно и емко характеристику культурных универсумов дал Г.В. Драч: «Вот в этом изначальном культурном космосе

находится человек, здесь формируются его ценностные установки, способы ориентации, формируются его вкусы и жизненные идеалы. Этот культурный фундамент, в котором вызревают архетипы (основные типы поведения, коренящиеся в глубинах психики), первоначально не выражен на понятийном уровне, он присутствует в массовой психологии и определяет всю человеческую деятельность, ее цель, средства и результат. Это исходное состояние коллективной (и соответственно индивидуальной) психики реализуется и преобразуется в способы освоения действительности. Человек как наследник культуры осваивает, таким образом, национальное достояние, опыт взаимодействия человека с природой» (Культурология: Учеб. пособие... – Ростов-на-Дону, 1995. – С.107).

Проблема социокультурного пространства и времени на данный момент достаточно изучена зарубежными и отечественными учеными, специализирующимися в различных областях гуманитарного знания. Поэтому мы, учитывая все культурологические и конкретно-научные наработки по этой проблематике, попытаемся подвести некоторый итог нашим изысканиям и предложим более развернутую типологию культурно-цивилизационных систем.

1. *Автохтонные архаические этнокультурные системы*: «мифодицея», развернутая в ситуативных технологиях, имитативном ритуале, инициациях как способе трансляции нового опыта, циклично-локализованные пространственные ориентации, цикличные статично-равновесные жизненные ритмы (сотни «археологических» и «остывших» исторических, тупиковых и атавистических первобытнообщинных коллективов типа палеоазиатов, африканских, австралийских, индейских племен и т.д.)

2. *Вторичные архаические этнокультурные системы*, обладающие все теми же культурообразующими моделями и основаниями, но отличающиеся в силу конкретно-исторических обстоятельств социо-культурным хронотопом: локально-центробежные пространственные ориентации и нестатично-равновесные временные ритмы, обусловленные спецификой экологических и исторических условий, могли приводить и приводили к объединению первобытных коллективов, к эффекту ассимиляции, диффузии и аккультурации как специфическому имитативному диалогу. Это прежде всего культуры неолитической революции, послужившие предпосылками первичных региональных цивилизаций. К этому же типологическому ряду следует отнести и ряд исторических этнокультурных систем, так называемых варварских или языческих с точки зрения цивилизаций, с которыми они вступили в имитативный диалог: греко-дорийская архаика, древнегерманская и древнеславянская культуры, индоарийская и многие другие (специалисты могут продолжить этот типологический ряд до наших дней).

3. *Первичные региональные культурно-цивилизационные системы* олимпийского типа (стагнационные): космодицея в качестве культурного «гсна», профессиональные технологии, сложные и цикличные, основанные на кастовых структурах и жестком разделении труда, жреческом ритуале как системообразующей связи, включающей профессионально-именной социокод, традицию как институт обновления и мифоэпические знаково-символические системы политеистических религий. Их стагнационный и тупиковый характер определялся не столько исторической нежизнеспособностью космодицеи (как раз наоборот), сколько специфическим хронотопом этих систем и теми внешними природно-культурными параметрами и ритмами, в которые они оказались включены. Их пространственно-экономическая локализация в центрах поливного земледелия и культурная локализация в городах-государствах с центром «храм – дворец – лабиринт» как своеобразной трансформацией космодицеи, первичного эйдоса, дополнялись столь же центростремительно-циклической концепцией времени. Все это и определило их исторически ограниченную роль, культурную монологичность (эти цивилизации слышат только культурный «крик» и «шум», который предпочитают устранять), динамичную стабильность и эволюционную роль в становлении вторичных цивилизаций. К ним прежде всего надо отнести доэллинистический

Египет, Ассирию, Вавилон, доарийскую Индию, Крито-Микенскую цивилизацию и многие другие, включая и изолированные цивилизации Нового Света.

4. *Классические культурно-цивилизационные системы* осевого времени характеризуются базисной полисоциодией, проявленной во многообразии моделей-эйдосов, спекулятивно-теоретическими технологиями, государственно-политическим ритуалом, включающим наррадигмальный социокод и философско-корпоративные институты социокультурного обновления, письменно-книжными семиотическими формами, преобразующими все предшествующие знаково-символические миры. Это весьма подвижные, конфликтные, центростремительно-центробежные, циклические, устойчиво-динамичные и диалогичные (мимезис) социокультурные системы вторичного, искусственного происхождения. Им свойственно космополитическое пространственное мировидение и трансцендентно-циклическое мировосприятие с осознанным делением времени на сакральное и профанное, историческое. Это прежде всего античная, греческо-римская цивилизация (эллины с их социодицей и римляне с цезаредицей); классические Китай (социодицей) и Индия (психодицей), доавиннистическая иудейская цивилизация (этнодицей).

5. *Неклассические культурно-цивилизационные системы осевого времени третьего порядка*, возникшие в результате искусственного формообразования. Их центробежный, маргинальный, космополитический и полиэтничный характер обусловили их пространственную открытость и незавершенность, в сочетании с локальными сакральными центрами, что нашло отражение в специфическом синкретическом хронотопе, в котором все предшествующие модели мира оказались включенными в трансцендентно-иерархический пространственно-временной континуум, завершающий развертывание базисной полисоциодии в качестве *теодицей*. Это и христианский мир до раскола церквей, включая и древнерусскую цивилизацию, и ранний исламский мир.

6. *Суперцивилизации средних веков*, складывающиеся в результате центростремительных тенденций и локализующиеся на огромных пространствах, характеризуются динамично-устойчивыми жизненными ритмами с большим чувством историзма. Сложный, неустойчивый и открытый характер этих культурно-цивилизационных систем, органический синкретизм культурных архетипов обусловили возможность появления в недрах суперцивилизаций средневековья различных антисистемных образований (этнорелигиозные диаспоры, гностико-манихейские секты, тайные ордена и т.п.) с разрушительными тенденциями. К этому типологическому ряду следует отнести западно-католическую цивилизацию, включая и эпоху Возрождения с ее антроподицей как попыткой органичной трансформации теодицей, Византию, Османскую империю, Российскую и Японско-Дальневосточную цивилизации, средневековый Китай и Индию.

7. *Индустриальная новоевропейская культурно-цивилизационная система* четвертого порядка, порожденная глобальным социокультурным кризисом и расколом. Характеризуется двухмодельным генотипом – натуродицей и технодицей, доминированием научных, автоматических технологий, договорным характером ритуала, универсально-понятийным социокодом и наукой как институтом социального обновления. В знаково-символической телесности преобладают математически-формализованные тексты. Открытая, неустойчивая центробежная пространственная ориентация сочетается с подвижными экономическими центрами, задающими «время мира» (Ф. Бродель). Индустриальные технологии, средства коммуникации приводят к эффекту сжатия культурного пространства и ускорению времени. Гипердинамичность и сверхподвижность связаны с проективно-прогрессистской моделью мира. К этому типу следует отнести прежде всего культуры Западной Европы и Северной Америки до первой мировой войны, некоторые современные периферийные индустриальные общества (в чем-то близка к этому типу современная постперестроечная Россия).

8. *Тоталитарный культурно-цивилизационный тип* возникает в результате углубления глобального цивилизационного кризиса после Первой мировой войны как попытка его разрешения. Здесь формируется уникальный эйдос – идеодицея, развертывающаяся в специфическом пространстве политико-идеологического ритуала, который опирается на партию как институт обновления, нарративно-утопический социокод и мощную семиотическую телесность политической мифологии, что позволяет развернуть эффективные тоталитарные идеологические технологии, подчиняющие себе по принципу антисистемности весь предшествующий цивилизационно-технологический базис, включая и технологии повседневной жизни. Это закрыто-цетробежные, замкнуто-маргинальные, неустойчиво-статичные, гипердинамичные монологичные антисистемы, жизнедеятельность которых определяется безвекторностью пространственной локализации и стремлением реализоваться на любом природном и культурном ландшафте. Искусственное воспроизводство неустойчивости в этих системах определяет ее и временную безвекторность. В зависимости от выбранной семотической системы для тоталитарной трансформации (консервативный или прогрессистский проект) мы можем получить как ориентацию на прошлое в ущерб настоящему и будущему, так и на будущее – в ущерб настоящему и тому же будущему (фашистский и коммунистический варианты). К этому типу, разумеется, относятся как классические системы тоталитаризма в Италии, России, Германии, так и периферийные в Китае, во Вьетнаме, на Кубе и в других регионах мира. Сюда же следует поместить и культурные архетипы некоторых антисистемных социокультурных образований (современные нетрадиционные религиозные секты, террористические партии, фундаменталистские движения, преступные субкультуры как маргинальные элементы в цивилизационных системах).

9. Складывающаяся культурно-цивилизационная система на рубеже XX и XXI столетий (пока определяется в терминах «постиндустриализма», «посттоталитаризма», «постмодернизма» и т.п.), которая и определит в ближайшем будущем глобальные культурно-исторические сдвиги. В качестве эйдоса можно предположить *культуроодицею* как базисный элемент.

Таким образом, тоталитарная культурно-цивилизационная система и родственные ей социокультурные формообразования представляют некую маргинальную, промежуточную, историческую мутацию. На протяжении человеческой истории культурно-цивилизационные мутации и переходные формы встречались неоднократно. Но именно классический тоталитаризм XX века, возникший из наложения и причудливой трансформации в одном культурном хронотопе нескольких технологических базисов и семиотических систем, представляет культурно-цивилизационного антисистемного «кентавра».

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВА

Е.Е. Тонков

Российское общество переживает сложный период, связанный с тем, что до недавнего времени наше государство предпринимало решительные намерения по обретению статуса правовой державы. Апофеозом этого действия стало принятие России в Совет Европы, видимо, с большим авансом и из уважения к нашему бывшему могуществу. Однако сколько бы